

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

A romantic scene in a wine cellar. A man and a woman are standing close together, looking at each other. The woman is holding a glass of red wine. They are surrounded by wine barrels and a view of a vineyard at sunset.

УПРЯМЫЙ
МУЖИК

ВИНО ДЛЯ ДВОИХ

**Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова
Упрямый мужик.
Вино для двоих**

<https://litres.ru/74554204>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — столичный сомелье с ледяной броней. Он — гордый винодел, готовый умереть за свою землю. Их встреча началась с оскорбления, а продолжилась битвой за виноградник. Когда рейдеры угрожают уничтожить реликтовые лозы, Элеонора и Савелий объединяются, чтобы создать вино, способное победить на международном конкурсе. Но смогут ли они спасти не только урожай, но и свои сердца? Страсть, опасность и терпкий вкус победы — в романе «Упрямый мужик. Вино для двоих».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Виктория Шнайдер

Упрямый мужик.

Вино для двоих

Упрямый мужик. Вино для двоих

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1

Каблук увяз в мергеле. Я рывком освободила ногу и пошла дальше — к человеку, который прислал мне хамскую записку.

Над холмом Кара-Тобе воздух стоял раскаленный, как над чугунной сковородой. С лимана тянуло едкой солью, выжженной степной полынью и пьянящим духом зрелого винограда, от которого у меня еще на въезде в станицу заломило в висках.

Тонкие шпильки моих итальянских лодочек с глухим хрустом тонули в ослепительно-белой мергелевой пыли. Известняковая пудра мгновенно оседала на кремовых шелковых брюках от Max Mara, въедалась в поры дорогой кожи, а я упрямо шла к навесу. В левой руке я сжимала тисненую папку с гербом Российской ассоциации сомелье, а в правой — плотный крафтовый конверт. Внутри лежала записка. Три корявые, нацарапанные химическим карандашом строчки, из-за которых я сорвалась из кондиционированного московского офиса и пролетела тысячу километров на юг: «Попробуй, столичная птица, если язык не присох к французской химии. А не поймешь — сиди в своей Москве и не суйся к живой лозе».

После предательства жениха, забравшего мой винный проект и выбросившего меня из бизнеса, я выстроила вокруг

себя ледяную броню. Я пряталась за дегустационным протоколом, химическим анализом и экспертным авторитетом. И этот провинциальный хам посмел плюнуть мне в лицо.

На верхней террасе гравитационной винодельни надсадно ревел дизелем старый трактор. Прицеп, доверху нагруженный иссиня-черными гроздьями, угрожающе накренился на каменистом съезде.

— Эй, гражданка на шпильках! — заорал тракторист, сплевывая сквозь зубы в пыль. — Убирай ноги с колеи! Прицеп сейчас опрокидывать будем, виноградом завалит — до утра не отмоешься!

Я стиснула папку. Перешагнула через колючую плеть ежевики, пачкая светлую ткань глиной, и шагнула прямо в облако белесой известняковой взвеси: — Где хозяин? Передайте Савелию Воронову: приехала Элеонора Северова. По поводу его хамской посылки с безымянной бормотухой.

Шум у прицепа мгновенно стих. Сходни скрипнули, и из густой тени навеса неторопливо вышел человек.

Он был огромен. Широкие, покатые плечи обтягивала выгоревшая до белизны рабочая рубаша с закатанными по локоть рукавами, обнажавшими литые, жилистые предплечья со старыми шрамами от подвязочной проволоки. Сапоги переступали по камню. Черные волосы слиплись от пота на висках, а темные, глубоко посаженные глаза смотрели из-под густых бровей с нескрываемой, ленивой мужской насмешкой.

— Доехала-таки, птица, — глухим, грудным басом уронил он, засунув руки в карманы холщовых штанов. — А я думал, в первом же кубанском лимане шпильки обломаешь. Чего разоряешься на жаре? Здесь виноград беречь надо, а не связки драть.

— Вы позволили себе неслыханную наглость, Воронов! — Я шагнула вперед, сокращая дистанцию до предела, и с размаху припечатала конверт к его твердой, как дубовая доска, груди. — Вы прислали в мою лабораторию образец без этикетки и сведений о происхождении, назвав ведущих критиков страны продажными кастратами! Я требую официальных письменных извинений перед ассоциацией сомелье!

Савелий стоял, упершись сапогами в камень. Конверт соскользнул по его груди и упал в белую пыль под ноги. Его взгляд медленно, ощутимо скользнул по моим ключицам, приоткрытым вырезом топа, задержался на униженных кольцами пальцах и вернулся к моим глазам.

— Словами сыт не будешь, критик. Ручки белые, холеные. Ни единой грозди с куста за жизнь не срезала, пыли виноградной не глотнула, а берешься судить, в чем правда лозы, а в чем сор.

— Моя репутация безупречна, — отчеканила я, сгорая от ярости. — А ваше пойло не попадет ни в одну карту столицы. Я внесу «Воронов Яр» в пожизненный стоп-лист всех ресторанных сетей! Одной моей колонки хватит, чтобы инвесторы обходили этот холм за сто километров!

Я круто развернулась на каблуках, но тяжелый кованный мыс сапога Савелия с глухим стуком опустился на край моей широкой шелковой штанины, намертво заблокировав движение. Ткань натянулась, я едва удержала равновесие.

— В Москву улететь всегда успеешь, столичная гостья, — тихо, но так веско произнес он над моим ухом, что мороз продрал по коже. — На Кара-Тобе твои столичные бумажки ничего не стоят. Здесь говорит только земля. А ты пока ее голоса не слышишь.

— Немедленно уберите ногу! — выдохнула я.

Вместо ответа Савелий шагнул вплотную. От него пахло раскаленным известняком, диким чабрецом и горячим мужским потом. Его ладони сомкнулись на моей талии, властно сжимая ребра. Я вскрикнула, замахнулась папкой. Он перехватил мое запястье, положил папку на помост и поднял меня под спину и колени. Туфли соскользнули с пяток. Савелий переступил к открытому дубовому чану под номером четыре и опустил меня через борт.

Мои босые ступни с размаху погрузились в шевелящуюся, прохладную толщу живого винограда.

Шок был физическим, мгновенным, выбившим весь воздух из легких. После раскаленной каменной крошки ягоды Красностопа Золотовского обожгли ступни ледяной, гладкой плотностью. Мелкие, тугие, как картечь, ягоды со сверхплотной кожицей пружинили под подошвами, сопротивлялись, а затем лопались с глухим чавканьем, выстреливая са-

харистым, концентрированным соком.

— Вы... варвар! Животное! — задыхаясь от унижения, крикнула я, хватаясь за борт чана.

Шелковые стрелки брюк мгновенно пропитались темно-багровой влагой. Рабочие замерли в полукруге. Десятки обветренных мужских глаз смотрели на меня с глухим напряжением. А надо мной стоял Савелий, опершись кулаками о верхний обруч, и в его зрачках плясали насмешливые искры. В этой усмешке я читала ожидание слез — истерики рафинированной москвички.

Во мне лопнула последняя струна столичной выдержки. Страх исчез, осталась лишь дикая, злая гордость. Я — лучший сомелье страны. И этому мужлану я покажу, чего стою.

Я сбросила испачканный жакет на помост. Подобрала намокшие края брюк, завязала их тугими узлами выше колен, расправила плечи и сделала первый мощный, тяжелый шаг.

Ягода лопнула с сочным хрустом. Я шагнула второй ногой, вбивая пятку в мерцающую сине-черную массу, вздымая брызги до бедер. Разворот, нажим подушечками пальцев, перенос веса — я пошла по кругу дубового пальментовщика, яростно круша урожай, взбивая рубиновую, пенящуюся волну.

Насмешка на лице Савелия растаяла. Он выпрямился, следя за багровыми струями на моих ногах, за яростной поступью, с которой я крушила Красностоп.

А над чаном вдруг поднялось густое, пьянящее облако

аромата.

Я замерла на полушаге, жадно втягивая ноздрями воздух. Я знала этот запах по вину из посылки, но здесь он был свежим, еще теплым от раздавленных ягод. В нос ударил тончайший, царственный букет лесной ночной фиалки, растертой спелой ежевики, влажного мергелевого графита и морской соли. Я нагнулась, зачерпнула ладонью немного сока и попробовала: сладость спелой ягоды сменялась упругой терпкостью кожицы.

— Невероятно... — сорвалось с моих губ.

— Что застыла? — голос Савелия стал хриплым, глубоким, он перегнулся через борт. — Сил не хватает?

— Замолчите, — выдохнула я и снова пошла месить сусло, взбивая пену до колен.

Дыхание сбилось, пряди выбились из прически. На очередном развороте ступня скользнула по гладкому дубовому дну. Я взмахнула руками, теряя равновесие, но Савелий перехватил меня в воздухе и выдернул из чана, прижав к себе.

Я врезалась мокрой грудью в его рубаху. Мои пальцы, липкие от сока, впились в его предплечья. Мы замерли в сантиметре друг от друга. Его горячее дыхание обжигало мои губы, пальцы на талии сжались до боли, а в зрачках мужчины полыхнуло голодное пламя первобытного влечения.

— Пусти, — шепотом сказала я, глядя в его темные глаза.

Он медленно, словно через силу, поставил меня босыми ногами на чистые доски сходней. Я оперлась на его предпле-

чье.

Я судорожно выдохнула, возвращая ледяной тон: — Я размяла вашу партию. Верните обувь, Воронов. Мы пройдем в лабораторию и снимем показатели по шкале Брикса.

Савелий подобрал конверт, вложил его в папку и подал мне вместе с туфлями, затем повернулся к застывшей бригаде и глухо приказал: — Этот четвертый чан в общую линию не пускать. Насосом не трогать. Закрыть дубовым щитом на холодный самотек. Это сырье пойдет на особое вино.

Мужики слаженно кивнули. Я стояла босиком на досках, покрытая багровыми брызгами с ног до головы, понимая: меня только что крестили этой землей.

Я подхватила с помоста жакет и пошла смывать сок.

Савелий ушел к распределительному щиту на верхнюю площадку, а я спустилась по пологому каменистому склону к родниковому каптажу у старой кладки. Воздух заметно тяжелел. Ветер с лимана переменялся: вместо сухого зноя он нес сырую, тревожную прохладу и резкий запах озона. Горизонт над проливом затянуло свинцовой синевой.

Я открыла латунный вентиль, подставив пылающие, гудящие ноги под струю ледяной родниковой воды. Вода обожгла кожу, смывая липкую багровую мезгу розовыми ручьями.

— Не порть колодку, дочка, — раздался сзади скрипучий, сухой голос.

За подпорной стенкой из ракушечника стоял невысокий, сухопарый старик в засаленной брезентовой безрукавке и

выцветшей папахе. Кончиком старого сапога он осторожно отодвинул в сторону мою пыльную туфлю: — По здешнему мергелю в таких копытцах только ноги ломать. Обуй пока чувяки Семёновы вон под навесом. А сама айда за мной, куда гроза не накрыла. Поглядишь кое-что.

Старик назвался бригадиром Трофимом. Он смотрел на мои испачканные ноги с сочувствием, и тоска углубляла морщины у глаз. Я послушно сунула ноги в просторные войлочные шлепанцы и пошла за ним по узкой тропе, огибающей холм Кара-Тобе с востока.

Мы миновали молодые шпалеры и вышли на дикий, продуваемый ветрами скальный уступ. Здесь почва кончалась вовсе: прямо из белесой известняковой плиты торчали узловатые, черные стволы лоз толще моего запястья.

— Тысяча девятьсот пятьдесят третий год, — с гордостью крикнул Трофим, поглаживая корявый штаб. — Я их еще мальцом сажал, с отцом. Корнесобственный Красностоп Золотовский.

— Корнесобственный?! — Я опустила на колени прямо на мергель. — Без американского подвоя?! Как вы уберегли их от филлоксеры?!

— А вот так и выжили. Мергель тут сплошной, дочка. Плита на десять метров, а в расщелинах — соли древнего океана. Еще мой отец говорил: здесь наши кусты уцелели, когда в округе корни пропали. А лоза корень на восемь саженей в камень пустила, до самой ключевой жилы. Пьет ми-

нерал чистый, скалу грызет.

Дед Трофим щелкнул старинным секатором, срезал рас-
трепанную гроздочку с черными мелкими ягодами, раздавил
одну толстыми пальцами и поднес прямо к моим губам: —
На-ко, попробуй. Пей, не морщись.

Я приоткрыла губы, и густая капля упала на мой язык.

Рецепторы взорвались невероятной, ошеломляющей гам-
мой. Сок был густой и сладкий, кожица оставляла на язы-
ке упругую терпкость. За ней открывались оттенки вяленого
инжира, сушеной вишни и чернослива. Следом проступала
солоноватая свежесть, и на нёбе оставалось бархатное тепло.
Я снова оглядела старые кусты. Столько лет они давали уро-
жай на собственных корнях — эту редкость стоило исследо-
вать.

Я застыла, судорожно сглатывая: — Та посылка в Моск-
ву... Бутылка без этикетки. Это было вино с этих кустов!

Трофим тяжело вздохнул: — С них, дочка. С них самых.
— Но почерк на записке... Савелий ее не писал?

— Я соседа грамотного попросил нацарапать позлее, чтоб
за живое тебя взять. Савка — он гордый, как беркут, он бы
столичным на поклон не пошел. А я знал: только ты разгля-
дишь, что в этой земле зарыто.

Старик указал рукой на противоположный берег зали-
ва, где сквозь дымку тускло поблескивали гигантские сталь-
ные цистерны холдинга Потапова: — Сжирает он нас, дочка.
Землю Кара-Тобе через продажный земельный комитет объ-

явили «неэффективным сельхозугодием»! Бумагу прислали: очистить холм до зимы, под коттеджи с причалами для яхт пустить хотят!

— Какое неудобье?! — во мне закипела профессиональная ярость. — Это же национальный памятник живой природы! Вино с этих кустов положит на лопатки любой европейский гран крЮ!

— Вот и докажи им это, дочка, — старик сжал мое плечо тяжелой ладонью. — Савка один не выстоит. Он упрется, ружье возьмет — его и положат прямо на этих межах. Докажи на конкурсе в Анапе, что наше вино живое! Спаси Кара-Тобе!

— Я пойду к нему, я скажу Савелию...

— Не смей! — испуганно зашипел Трофим, хватая меня за руку. — Узнает Савка, что я тебя обманом вызвал — прогонит старика с террас, а сам вовсе замкнется! Молчи пока! Ради Христа, молчи!

Я посмотрела на черные реликтовые лозы и медленно кивнула: — Хорошо. Я буду молчать. Но мы заставим их захлебнуться этой землей.

Шквал налетел внезапно. Ледяной порыв ветра ударил в грудь, первые тяжелые капли дождя взбили фонтанчики мергелевой пыли. И в этот миг со стороны винодельни донесся визг разрываемого металла и крик механика Семёна: — Шланг рванул! Глуши насос, твою мать! Глуши-и-и!

Глава 2

— Пресс накрылся! — побелел дед Трофим. — Беги наверх, дочка!

Я побежала вслед за ним, цепляясь пальцами за подошвы просторных шлепанцев.

Небо над Кара-Тобе почернело за считанные минуты, превратив день в сумерки. Ветер срывал брезенты, а у приемного пандуса в панике застыли четыре груженных самосвала — наемные машины из станицы с тоннами свежесобранного Красностопа. Дождь заливал раздавленные в кузовах грозди; ягоду следовало переработать, пока сок окончательно не разбавило водой.

Из-под кожуха главного гидравлического пресса била струя черного горячего масла. Савелий вылетел из цеха, перемахнул через лужу мазута и дернул вниз рубильник прессы, останавливая электромотор.

— Рукав лопнул! — кричал Семён, размахивая ключом. — Шток в клине! Усталость резины, Савелий Трофимыч!

Я опустилась на колени у разорванного узла, подсвечивая фонариком телефона: — Смотрите сюда, Семён. Край гладкий, будто лезвием срезали. Семён наклонился к рукаву и провел ногтем по косому срезу: — Резали. Вот сволочи.

Савелий поднялся. Желваки на его челюсти окаменели: — Диверсия.

— У меня в Темрюке кум на базе холдинга! — залепетал механик, выхватывая трубку. — Я звякну, они пришлют ремонтную летучку с новым шлангом!

Савелий накрыл ладонью его телефон, опуская трубку: — Потапов только этого и ждет! Пока их летучка доедет, пятнадцать тонн сырья превратятся в кисляк в кузовах! Своими руками вытянем!

В этот момент взревели дизели. Два головных самосвала начали разворачиваться к выезду. — Мы под шторм не занимались! — высунулся в окно шофер первого МАЗа. — Дорогу размоет — в лиман сползем! Сгружай за пять минут или уходим в гараж!

Савелий шагнул к машине, сжимая пудовые кулаки, намереваясь вытащить водителя через стекло, но насилие лишь сорвало бы спасение ягод.

Я опередила его.

Сунула папку с конвертом под навес, бросила сверху жакет и в тонком шелковом топе выбежала на размываемую колею. Встала прямо перед радиатором многотонного МАЗа, раскинув руки.

Тяжелый бампер замер в пяти сантиметрах от моих колен. Грузовик заглох.

Я взлетела на металлическую подножку кабины и постучала кулаком в стекло: — Запомни мое лицо, водитель. Я — Элеонора Северова. У вашей автоколонны договор на доставку? Тогда разгружай! За погубленный урожай Воронов

предъявит иск, а я засвидетельствую, что вы увезли ягоду, когда люди были готовы ее принять!

Шофер опешил, спесь слетела с его лица: — Да мы чё... застрять на подъеме боялись...

— Савелий даст трактор на подъем! — крикнула я рабочим на всю площадку. — Всем, у кого есть руки — ящики в зубы! Пятьсот рублей наличными к смене за каждый разгруженный кузов лично от меня! Савелий! Корзинные прессы Буше целы?!

Савелий смотрел на меня с диким, восторженным изумлением: — В подклете законсервированы! Шесть корзин кавказского дуба!

— Семён, бегом смывать консервацию кипятком! Будем жать по старинной шампанской технологии — самотеком без насосов! Сок отведем в закрытые емкости, спасем сырье! Шевелитесь, если хотите спасти свой хлеб!

— Взяли ящики! — рывкнул Савелий так, что зазвенели стекла. — Живой цепью по сходням, пошли!

Рабочие с ревом бросились к кузовам. Паника рассеялась за полторы минуты. Савелий подхватил меня за талию, спуская с подножки МАЗа, и горячо выдохнул мне в мокрую шею: — Ну и баба... Чистый огонь. Держись за меня, Эля. Сейчас начнется ад.

Пока мужчины выкатывали прессы, я присоединилась к цепочке у первого кузова.

К полуночи Тамань превратилась в ревущий, клокочущий

океан тьмы и воды. Молнии полосовали небо без перерыва, ветер с грохотом срывал листы железа с построек.

Мы стояли живой цепью на открытых наклонных сходнях, принимая тридцатикилограммовые ящики с виноградом и переправляя их к горловине прессов Буше. Вода заливала глаза, шелк топа лип к телу, но пальцы работали на автомате: перехват — поворот — толчок ящика дальше по роликам в руки деда Трофима. Ногти были сорваны в кровь, ладони саднило от соли и мергеля, а каждый переданный ящик освобождал место для следующего.

Внезапный ураганный шквал налетел снизу, сорвав пятиметровый брезентовый полог над приемным бункером. Потoki грязной небесной воды устремились прямо в сусло.

Савелий взлетел по скользким железным скобам на верхний настил, натянул брезент голыми руками и навалился всем весом, прижимая край полотна к чугунной станине.

В этот момент сорвавшийся с крыши деревянный щит полетел к сходням.

— Сава, берегись! — закричала я. Порыв ветра швырнул щит к настилу; я бросилась к Савелию.

Он обернулся и, натягивая полог, развернул корпус, закрывая собой меня и открытый люк чана.

Глухой треск дерева о живое тело перекрыл раскат грома. Край щита со всего маху врезался ему в лопатку. Рубаха на спине мужчины лопнула, обнажая содранную до мяса кожу. Савелий утробно зарычал, осел на одно колено, при-

давив брезент к станине.

— Сава! — Я упала рядом с ним, вцепившись в край полотна. — Ты ранен! Уйди в укрытие, я сама удержу растяжку!

Он повернул залитое дождем лицо, окровавленной ладонью властно сжал мой подбородок: — Держи полог! — хрипло бросил он сквозь рев шквала. — Еще четыре тонны в кузовах! Потом лечить будем! Поняла?!

— Поняла! — выдохнула я ему в лицо, ощущая дикое, нечеловеческое единство с этим мужчиной.

Мы закрепили растяжку тросом и спустились к дубовым корзинам Буше.

Мезга заполнила чаны, но чтобы отжать сок, требовалось вручную провернуть массивный винт диаметром в десять сантиметров. Двое казаков навалились на дубовое водило, но винт застрял — в давно стоявшем прессе прикипела резьба.

— Пошли вон! — Савелий оттолкнул рабочих здоровым левым плечом, наваливаясь на рычаг.

Я встала рядом вплотную, вжавшись плечом в его бок, и обхватила мокрое дерево обеими сорванными ладонями. — Вместе, Сава! Разом!

— И-и-раз! — выдохнули мы в один голос.

Мы навалились всем телом. Савелий взревел, толкая рычаг. Кованный винт со скрипом провернулся на четверть оборота, затем еще на пол-оборота — и сквозь щели дубовых

клепок водопадом хлынуло густое, черно-рубиновое сусло. Аромат дикой вишни, фиалки и дуба заполнил цех.

В этот миг сине-белая стрела молнии с сухим треском ударила прямо в трансформаторную будку у ворот. Взрыв — и усадьба мгновенно погрузилась в непроглядную тьму.

Смолк дренажный насос, погасли прожекторы.

— Свет ушел! — в панике закричал Семён. — Подача газа встала! Сусло стоит открытое!

— Ручная подача есть? — крикнула я в темноте. — Нижний ярус, за третьей опорой! — отозвался Семён. — Байпас!

— За мной! — Савелий нащупал мою ладонь.

Мы скатились по каменным ступеням в нижнее хранилище. На ощупь я нашла холодное чугунное колесо аварийного клапана: — Вот он! Открываем!

Мы вцепились в штурвал в четыре руки. Савелий навалился сверху, прижав меня телом к холодному металлу резервуара, его дыхание обожгло мою щеку. С чудовищным усилием он сорвал прикипевшую резьбу. Вентиль со скрежетом провернулся, пропуская газ в емкости по обводной магистрали.

В бункере наступила тишина, нарушаемая лишь тихим, утробным шипением внутри емкости.

— Газ пошел... — выдохнула я, оседая на колени. — Закроем крышки — и сусло будет защищено. Семён откликнулся со ступеней: рабочие уже закрывали емкости, а трактор вывел последние самосвалы на дорогу. Все пятнадцать

тонн успели переработать.

Савелий тяжело дышал надо мной. Его ладонь легла мне на макушку, пальцы запутались в мокрых волосах.

Снаружи донесся глухой гул — земля под ногами мелко задрожала.

— Сель сошел с оврага, — глухо сказал он. — Дорогу к станции смыло в лиман. Мост сорвало. До завтрашнего вечера сюда ни одна машина не проедет. Мы отрезаны, Эля.

Адреналин отпустил меня в секунду. Ледяной озноб сотряс тело, мышцы свело судорогой, и я ткнулась лбом в холодный бетон пола, не в силах пошевелиться.

Савелий опустился рядом. Снял с крюка сухой овчинный тулуп, завернул меня в него, как ребенка, отвел задвижку двери, затем поднял меня на руки и понес к лестнице. Семён закрыл за нами дверь, отсекая вой бури.

В темноте пахло сладким виноградным суслом, озоном и жаром его тела. Сквозь мокрую рубаху на его груди я слышала тяжелый стук его сердца. Я уткнулась лицом в его горячую шею, чувствуя вкус морской соли на губах.

— Мы спасли ягоду, птица, — прошептал он в мои мокрые волосы, поднимаясь по ступенькам к дому. — А теперь — в тепло. Пора зализывать раны.

Я закрыла глаза у него на плече. Впервые за долгое время мне хотелось остаться там, куда я приехала с угрозами.

Глава 3

Я попыталась откинуть одеяло и охнула: ладони обожгло болью. Солнечный свет широкими золотыми полосами лежал на бревенчатых стенах, за окном мерно скрипели половицы террасы и доносился тихий шелест листвы. Высокие сосновые венцы дома пахли разогретой на солнце смолой, сухой мятой и вековым деревом. Я лежала на просторной кровати под тяжелым пуховым одеялом, утопая в прохладных льняных простынях, хранивших тонкий аромат лаванды. На мне была просторная фланелевая рубашка Савелия в широкую темно-зеленую клетку — ее мягкий подол доставал мне почти до колен, а рукава были закатаны втрое. Рубашка пахла им: сухим скальным дубом, вишневым табачным дымом и горьковатым ветром соленых лиманов.

Я пошевелилась и тихо охнула. Тело ныло после ночной отчаянной борьбы за урожай, мышцы отзывались тяжелой усталостью, но острее всего горели ладони. Кожа на сгибах пальцев и подушечках была содрана о края ящиков и мокрое прессовое водило; ссадины пульсировали мелким сухим жаром. Снизу, с кухни, доносились упоительные запахи: топленое сливочное масло, печеные яблоки, корица и свежая сдоба. Желудок отозвался требовательным спазмом — со вчерашнего полудня я не проглотила ни крошки.

Спустившись по широкой деревянной лестнице, я вошла

на кухню с побеленной русской печью и массивным дубовым столом. Марья Степановна в ситцевом цветастом платке ловко снимала со сковороды пышные, румяные сырники. Я попыталась незаметно пройти к рукомойнику в углу, натянув рукава рубашки на пальцы, чтобы сохранить привычную столичную невозмутимость: — Доброе утро, Марья Степановна... Мои вещи высохли?

Женщина всплеснула руками и тут же накинула мне на плечи полотенце и усадила у стола: — Куда ж ты босиком по половикам, лапушка?! Бледная какая, глаза в пол-лица горят! А ну садись за стол, живая душа! Вещи твои во дворе на ветру и солнце доходят, к полудню как новые будут. Садись, я сметанки свежей налью.

Она придвинула ко мне тяжелую глиняную миску с горячими сырниками, истекающими янтарным медом. Я потянулась к мельхиоровой вилке, намереваясь показать, что полностью контролирую себя, но едва пальцы сжались на металле, сорванная кожа отозвалась резкой болью. Пальцы свело судорогой, и вилка со звоном отскочила от столешницы на половицы.

Я торопливо спрятала руки под стол, заливаясь краской от стыда и беспомощности: — Простите... Просто небольшие ссадины, ерунда...

— Какая уж тут ерунда, когда живьем кожу содрала, — раздался от порога низкий, густой голос.

В кухню вошел Савелий. Широкоплечий, монументаль-

ный, в простой черной футболке, обтягивающей литые мышцы груди, и рабочих потертых джинсах. Из-под ворота футболки выглядывал край повязки на правой лопатке. Темные волосы были влажными после утреннего душа, по чисто выбритым скулам скользило солнце. В руках он держал маленькую глиняную плошку и моток белоснежного льна. Я инстинктивно дернулась встать, боясь насмешки над городской белоручкой, но Савелий бесшумно шагнул вперед и опустил тяжелую теплую ладонь мне на плечо, мягко привязав к месту.

— Сиди, птица, — негромко сказал он. От этой непривычной нежности я опустила глаза. — Жгло ночью. Теперь остывать пора.

Он сел на лавку вплотную ко мне. От него веяло чистым мылом, морозной свежестью родника и тем пьянящим теплом, которое я помнила по вчерашней ночи, когда он нес меня на руках сквозь бурю. — Сава, не надо... Само заживет. Если там спирт, будет щипать... — Никакого спирта. — Он осторожно взял мою правую руку в свою огромную, шершавую ладонь виноградаря.

Мои тонкие пальцы казались хрупкими стеблями в его руках. Савелий открыл плошку, наполнив воздух кухни густым ароматом пчелиного воска, горного прополиса и свежего миндаля: — Наша мазь, родовая. Воск, прополис с верхних пасек и масло виноградной косточки первого холодного отжима. Дед еще от своего отца перенял.

Подушечкой большого пальца он бережно, едва касаясь, нанес густой золотистый бальзам на содранную кожу. Пульсирующий жар мгновенно утих, сменившись глубоким, прохладным облегчением. Кожа словно вздохнула. Затем Савелий взял льняные ленты и стал аккуратно бинтовать каждый мой палец с ювелирной точностью хирурга. Я замерла, боясь пошевелиться, глядя на его опущенные темные ресницы и упрямую складку губ; в груди разливалось сладкое, пьянящее тепло.

Завязав последний узел на левом запястье, Савелий держал мою руку в своей. Он медленно поднял мою кисть к своему лицу, заглянул мне прямо в глаза темным, обжигающим взглядом, от которого перехватило дух, и молча, благоговейно прижался горячими губами к пульсирующей жилке под льняной повязкой.

По телу словно прошел электрический разряд. Запястье обожгло его дыханием. Вся моя столичная броня, выстроенная годами недоверия, рассыпалась в прах.

— Как... как сусло? — едва выговорила я, отчаянно пытаюсь вернуть контроль над дыханием. — Температура в танках стабильна? Брожение началось? Савелий чуть заметно усмехнулся краешком губ, довольный произведенным эффектом, и медленно отпустил мою руку: — Сусло в порядке. В танках плюс шестнадцать, газ уже поднимает сок к поверхности. Твой четвертый чан бродит как зверь. Ешь сырники, Эля. Потом пойдем вниз — покажу тебе настоящее сердце

усадыбы.

После завтрака я попросила Семёна назвать работников ночной смены и перевела ему обещанную доплату для бригады. Потом переоделась в высохшие вещи. Савелий принес мне пару рабочих ботинок и повел к винодельне.

Мы спустились по широкому каменному пандусу, врезанному в монолитное тело холма Кара-Тобе. Стены тоннеля были сложены из циклопических блоков сарматского известняка, сквозь швы которых сочилась живительная прохлада. Температура плавно опустилась до четырнадцати градусов, воздух стал влажным, плотным, напоенным ароматом винного камня, терпкого бродящего сока и старого благородного дуба.

Но сильнее всего поразило величие скального покоя. Вместо привычного заводского шума в недрах известнякового монолита царило строгое монастырское безмолвие, нарушаемое лишь тихим, мерным журчанием живой струящейся влаги.

— Сава, где импеллерные насосы? — огляделась я по сторонам сводчатого зала. — Как вы перемещаете мезгу с верхнего яруса в бродильные танки? Савелий подошел к массивным деревянным перилам внутреннего балкона и указал рукой вниз: — Здесь работает исключительно сила земного притяжения, — ответил Савелий. — Сусло скользит плавно, сохраняя цельность ягодных косточек и тончайшую структуру сока.

Внутри скалы был прорублен колоссальный трехъярусный колодец с перепадом высоты почти в двенадцать метров. На верхнем ярусе, расположенном прямо под въездной террасой холма, находилась зона бережной приемки и гребнеотделения. Ступенью ниже стояли открытые чаны первичного брожения, куда стекал сок, а на самом дне, в глубине монолита, темнели ряды дубовых бочек выдержки. Сусло текло самотеком по широким открытым желобам с плавным уклоном — скользило зеркальной лентой по гладкому темному дереву.

— Но эти желоба деревянные! — провела я кончиками пальцев по темной, лоснящейся поверхности. — Дуб отдаст агрессивные незрелые танины суслу еще до начала ферментации, разрушит тонкие эфиры! — Это мореный кавказский каштан, — качнул головой Савелий. — Дед бревна тридцать лет в горном ручье вымачивал с ледяной водой. Каштан после вымачивания почти весь свой дубильный сок отдал. А после каждой партии эти желоба разбираем, моем и пропариваем. Видишь, как сок идет?

Он протянул мне оптический рефрактометр и стеклянную пипетку. Осторожно зачерпнув каплю стекающего сока, я нанесла ее на призму и приникла к окуляру. Шкала показала двадцать три градуса Брикса. Я сняла пипеткой еще каплю: густой сладкий сок растекся по языку, оставляя свежую ягодную терпкость.

Я взглянула на исполинские каменные своды, вытесанные

вручную из ракушечника: — Сава... чтобы вырубить такой склон, нужны миллионы долларов инвестиций. Кто проектировал это чудо? — Отец, — Савелий положил тяжелую ладонь на холодный камень стены. — Пятнадцать лет скалу долбил. Без кредитов. Каждым рублем с урожая платил за каждый кубометр камня. Говорил: сделаем так, чтоб французы плакали от зависти. Не успел закончить только внешнюю облицовку — сердце разорвалось.

В его словах звенела сыновья преданность и боль. Я провела ладонью по следам инструмента на камне. Пятнадцать лет — они остались здесь, в этих сводах. — Почему вы молчите? — горячо воскликнула я. — Почему прячете такое хозяйство от профессионального сообщества?! Европейские сомелье с ума бы сошли! — Мне лозу выращивать надо, Эля, а не перед комиссиями расшаркиваться. Идем дальше, в холодный ярус.

За нижним поворотом лестницы прохлада стала ощутимой даже сквозь рукава.

В нижнем сводчатом зале ровными рядами стояли дубовые буты по три тысячи литров каждый. Савелий подошел к каменной нише и извлек тяжелую бутылку темного стекла с лаконичной меловой надписью: «Сибирьковский 2022».

Я приподняла бровь со здоровым профессиональным скепсисом: — Сибирьковский? Савелий, этот сорт исторически годен лишь на простые столовые вина. Он быстро окисляется, теряет форму, а в бочке и вовсе превращается в мо-

ченные яблоки. — Смотря где он рос, птица. На песчаных равнинах он пустой, а на нашем мергеле у моря, где корни пьют соль из известняка, — в нем просыпается степной демон.

Он срезал ножом слой защитного сургуча, достал нарзанником пробку и повел меня к выходу на скальный вентиляционный уступ — открытую расщелину в обрыве Кара-Тобе, откуда свежий морской бриз выдувал застойную сырость подвала. У уступа стоял дегустационный столик. Савелий достал из шкафчика два бокала; я выбрала тонкостенный, тюльпановидный. Савелий налил золотистую струю; вино легло на дно бокала с тяжелой, маслянистой плотностью. На дне бокала мерцал чистый золотистый свет.

Цвет искрился бледным белым золотом с изумрудным отливом по краю диска. По стенкам бокала неспешно стекали густые глицериновые «ножки». Я поднесла хрусталь к носу, закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

И замерла от изумления. Бокал раскрылся ослепительной, сочной ароматической симфонией: цветущий горный тимьян, растертый в ладонях чабрец, белая шелковица, острая цедра кафрского лайма и лист дикой полыни. Следом проступала благородная минеральность — мокрый ракушечник, кремний и солоноватый морской йод. Я сделала глоток, омывая десны и втягивая воздух сквозь зубы. Вкус поразил удивительной мягкостью и гармонией при южной крепости в 13,5%: вино раскрылось сочной, хрустящей кислотностью яблока Гренни Смит, плавно переходящей в кремовую тек-

стуру белого персика. Послевкусие длилось сорок секунд, вибрируя соленой свежестью морского бриза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.